

Научная статья

УДК 81'374, 81'374.3

DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51

Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном словаре

Елена Юрьевна Булыгина¹
Татьяна Александровна Трипольская²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ bulyginalena2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-7896>

² tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

Аннотация

Современные исследования динамических процессов эмотивно-оценочной лексики определяются 1) представлениями о природе и структуре прагматического макрокомпонента и его взаимодействии с денотативной семантикой слова, 2) появлением новых словарных и текстовых источников, 3) учетом параметров коммуникативной ситуации (взаимоотношение субъекта и объекта оценки, пол, возраст, социальное положение говорящих и их интенции).

В тематической группе 'Человек безвольный, бесхарактерный' идут динамические процессы, проявляющиеся в семном и семантическом варьировании («мужские» характеристики *тряпка*, *кисель* и др.), демонстрируют расширение гендерной семантики, соотносясь с лицами обоих полов.

Результаты комплексного исследования оценочных метафор свидетельствуют об изменениях ценностной картины мира социума.

Ключевые слова

динамические процессы, гендерная и оценочная семантика, корпусные и психолингвистические методы

Для цитирования

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном словаре // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 30–51.
DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51

© Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А., 2022

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 30–51

Critique and Semiotics, 2022, no. 1, pp. 30–51

Dynamic Processes in Russian Emotive-Evaluative Vocabulary

Elena Yu. Bulygina¹, Tatiana A. Tripolskaya²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ bulyginalena2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-7896>

² tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

Abstract

Modern studies of the dynamic processes of the emotive-evaluative vocabulary are determined by 1) ideas about the nature and structure of the pragmatic macro-component and its interaction with the denotative semantics of the word, 2) the emergence of new vocabulary and text sources, 3) taking into account the parameters of the communicative situation (the relationship between the subject and the object of assessment, gender, age, social position of speakers and their intentions).

The use of corpus and experimental methods in the study of evaluation makes it possible to identify significant changes in the semantics of different categories of vocabulary.

In this article, the evaluative semantics is considered in relation to the elements of denotative and / or pragmatic gender, social and age macrocomponents. It has been revealed that the axiological characterization of a word, changing under the influence of the gender component, becomes significantly more complicated and varies depending on WHO (a man or a woman) evaluates and WHOM (a man or a woman) the speaker characterizes.

In the thematic group 'A weak-willed, spineless and feeble person', there are dynamic processes, which are manifested in seme and semantic variation (the "male" characteristics *tryapka, kisel'*, etc.), demonstrate an expansion of gender semantics, correlating with persons of both sexes. Thus, in the semantic structure of evaluative metaphors, independent evaluative meanings are formed, representing male and female weaknesses in different ways.

The results of the comprehensive study of gender-oriented metaphors indicate changes in the value picture of the world of the society.

Keywords

dynamic processes, gender and evaluative semantics, corpus and psycho-linguistic methods

For citation

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Dynamic Processes in Russian Emotive-Evaluative Vocabulary. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 30–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51

В группе прагматически маркированной лексики, отражающей ценностную картину мира социума, идут активные процессы, связанные с утратой / появлением / изменением таких элементов семантики, как идеологический, оценочный, гендерный, национальный и др. [Басалаева, 2016; Булыгина, Трипольская, 2016; Лаппо, 2016].

На первый взгляд особо заметные изменения в области прагматически маркированной лексики приходятся на фрагменты словаря, связанные с воплощением значений «свой / чужой», на политически и социально ориентированную лексику (*либерал, либерализм, патриот, демократ, космополит* и др.). Эти динамические процессы обусловлены изменчивостью общественно-политической жизни общества.

Анализ же разновременных лексикографических источников свидетельствует о том, что эмотивно-оценочный словарь вполне устойчив. Ср., например: *нетух* 2. Перен. О задорном, заносчивом человеке; забияка (разг. фам.) (ТСУ)¹; *нетух* 2. Разг. О задиристом, запальчивом человеке, забияке (МАС)²; *нетух* 2. Перен. О задорном человеке, забияке (разг.) (ТСОШ)³; *нетух* 2. Перен. Задиристый человек, забияка (разг.) (Лопатин, Лопатина, 2009)⁴.

Однако детальное исследование лексики разных групп свидетельствует о вполне очевидных семантических процессах, которые выливаются в образование новых лексико-семантических вариантов (ЛСВ), в изменение значимости и содержания эмотивно-оценочного компонента.

Наличие, природа и способы лексикографирования эмотивно-оценочного компонента лексического значения слова многократно, детально и на разном языковом материале описывались и в русистике, и в различных сопоставительных исследованиях (см. [Гутман и др., 1977; Булыгина, Трипольская, 2017а; Мусси, 2014; Гарбуйо, 2017] и др.).

Следующий шаг в изучении эмотивно-оценочного словаря связан, как кажется, во-первых, с изменением современных представлений о природе

¹ ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

² МАС – Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1985–1988.

³ ТСОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азъ, 1992.

⁴ Лопатин В. В., Лопатина Л. В. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009.

и структуре прагматического макрокомпонента и его взаимодействии с денотативной семантикой слова; во-вторых, с появлением новых словарных и текстовых источников; в-третьих, с учетом следующих переменных коммуникативной ситуации: взаимоотношение субъекта и объекта оценки, пол, возраст, социальное положение говорящих и их интенции. Так, использование корпусных и экспериментальных методов в изучении оценки дает возможность рассматривать динамические процессы в семантике разных разрядов лексики, а учет *разных параметров коммуникативной ситуации* способствует выявлению / уточнению / детализации русской эмоционально-оценочной картины мира. О значимости корпусных методов в изучении разных аспектов категории оценки пишет С. Ханстон [Hunston, 2011]. Эта же мысль выражена Дж. Чаннелл, которая отмечает, что исследование оценки должно строиться не на лингвистических догадках, а на основе корпусных данных естественной речи, и проводит корпусный анализ оценочной функции слов и выражений, полученных при работе с Корпусом английского языка [Channell, 2000, pp. 38–54].

Сегодняшние исследования показывают, что целесообразно рассматривать оценочную семантику в соотношении с элементами денотативного и / или прагматического макрокомпонентов: гендерного, национально-этнического, социального, возрастного и др. Так, зачастую аксиологическая характеристика слова, изменяясь под влиянием гендерного компонента, существенно усложняется и варьируется. Примером могут служить существительные общего рода, которые, судя по словарям, передают какую-либо характеристику, чаще негативную, одинаково относящуюся к лицу и мужского, и женского пола. Дефиниционный, психолингвистический и корпусный анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы: 1) в этом разряде эмоционально-оценочной лексики идут активные процессы, в результате которых лексемы утрачивают способность обозначать лиц мужского и женского пола и становятся гендерно определенными характеристиками (*пьяница, сквалыга* – о мужчине; *распустеха и вообразжала* – о женщинах); 2) часть лексем, сохраняя грамматическую характеристику общего рода, приобретают разную эмоционально-оценочную семантику применительно к лицам мужского или женского пола и становятся полисемантами (*неженка, белоручка*) [Бульгина, Трипольская, 2017б]. Иными словами, происходит дифференциация эмоционально-оценочного содержания, связанного с гендерными характеристиками лексической единицы. Эти наблюдения позволили сформулировать направление дальнейшего исследования эмотивно-оценочной лексики,

зависимой от изменений в русской языковой картине мира: в существенной мере меняется представление социума о так называемых мужских и женских недостатках и достоинствах, следовательно, ожидаемыми являются активные процессы в этом классе прагматически маркированной лексики.

Продолжая исследование соотношения гендерных и эмотивно-оценочных компонентов в семантике слова, обратимся к метафорам с семантикой 'безвольный, бесхарактерный, слабый, нерешительный, трусоватый человек': *баба, девчонка, слабак, слюнтяй, кисель, мямля, размазня, тряпка, тюфяк, шляпа, рохля* и др., которые в основном словарями представляются как мужские характеристики.

Отметим, что динамические процессы в этом участке лексической системы касаются изменения как состава тематической группы, так и оценочной семантики слова, непосредственно связанной с гендерными значениями. Так, психолингвистический эксперимент (147 школьников 11 класса и студентов-филологов)⁵ показал, что большинству респондентов неизвестны лексемы *размазня* и *кисель* (долго выясняли и пришли к выводу, что кисель – это желе), ими не употребляются метафоры *шляпа* и *тюфяк*. Зато в группу были добавлены респондентами следующие характеристики безвольного и бесхарактерного человека: *терпила, амёба, одноклеточный, трус* и *тихушник*.

Сосредоточимся на вопросе о семном и возможном семантическом варьировании в области оценочной семантики слова и обратимся к разновременным словарям: нам важны смысловые сдвиги в значениях этих слов

и не менее важна лексикографическая традиция в преподнесении эмотивно-оценочного и гендерного значений, поскольку настоящее исследование предваряет семантизацию прагматически маркированной лексики в Лексикографической базе данных [Басалаева, 2016].

Есть разные способы представления в толковом словаре категории рода существительного и его гендерной соотношенности:

1) существительные общего рода маркируются грамматическими пометами *м.* и *ж.* Ср.: **РАЗМАЗНЯ**, -й, род. мн. -ей. Разг. <...>. 2. *м.* и *ж.* О вялом, нерешительном человеке. – Ты нежная душа, **размазня**, где тебе

---

⁵ Выражаем благодарность Н. А. Родионовой, магистранту НГПУ, за предоставленные результаты психолингвистического эксперимента.

ненавидеть! Ты робеешь, мало на себя надеешься. Тургенев, Отцы и дети. <...>;

2) есть многозначные существительные, такие как *баба*, *тряпка*, *шляпа*, у которых женский род приписан ко всей семантической структуре, помета *жс.* стоит после заголовочной единицы, а переносные метафорические значения слов *тряпка* (4. Разг. пренебр. О бесхарактерном, слабовольном человеке. *Холостяком он слыл за вертопраха и сорвиголову; женившись – присмирел, оглупел, словом – сделался тряпкой. Г. Успенский*), *баба* (жс. 4. Разг. презр. О слабом, нерешительном мужчине, мальчике) и *шляпа* (жс. 2. О вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке), судя по толкованию и иллюстративному материалу, являются эмоционально-оценочными мужскими характеристиками. Формальный род в этих случаях вступает в противоречие с гендерной семантикой слова: «*распоследняя ты баба, Коля*», «*тряпка ты такая... Семен!*»).

Мы исходим из того, что ЛЗ – гетерогенная система, включающая широкий набор прагматических (коннотативных и денотативных) компонентов, в число которых входит гендерная составляющая и связанная с ней эмотивно-оценочная. Уточним, эмотивно-оценочный компонент является производным от денотативного содержания ЛЗ: основание оценки и гендерная отнесенность определяют качество оценочного значения. В редких случаях словарь обозначает гендерную принадлежность характеризуемого лица (*кудахтать*, *наседка*, *куриные мозги*, *клоп* и др.), а субъект оценки обычно остается за кадром, хотя семантика оценки может зависеть и от гендерной принадлежности характеризующего лица. Существенным оказывается, КОГО (мужчину или женщину) характеризует говорящий и КТО (мужчина или женщина) дает оценку. Таким образом, мы рассматриваем следующие параметры речевого акта как определяющие: субъект оценки, объект оценки, основание оценки и специфика коммуникативной ситуации. Именно контексты, удовлетворяющие названным параметрам, извлекаются из НКРЯ⁶. В исследовательский материал включена и самооценка лиц мужского и женского пола.

Слова анализируемой группы характеризуются интегральным семантическим компонентом ‘бесхарактерный, слабовольный’, который имеет широкий диапазон варьирования – от отсутствия чувства собственного

---

⁶ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 22.11.2021).

достоинства (*тюфяк, тряпка*) до плаксивости и болтливости (*девчонка, баба*).

Описание гендерной семантики в соотнесении с оценочной не входило в круг приоритетных задач классической лексикографии. Эти семантические нюансы отмечаются, как правило, в иллюстративном материале. В толкованиях же чаще всего фигурирует метаязыковой элемент ЧЕЛОВЕК, потенциально подразумевающий мужчину и женщину или только мужчину. Однако цитатный материал свидетельствует о том, что речь идет о мужчине (*тряпка, баба, шляпа, кисель, тюфяк, мямя и размазня*, см. табл. 1), что вполне согласуется с основными представлениями русской языковой картины мира о мужских и женских недостатках: бесхарактерность, слабоволие, нерешительность (трусость) и неумение постоять за себя являются негативными характеристиками в первую очередь мужчины – как в глазах мужчин, так и в глазах женщин.

Таблица 1
Table 1

ТСУ	БАС	ТСОШ	МАС	БТСК
ТРЯПКА , -и, ж. 3. перен. Бесхарактерный, слабовольный, ничтожный человек (разг. презрит.). Со-сульку, тряпку принял за важного человека! Гоголь. Павел Васильевич был в душе тряпкой	ТРЯПКА , -и, ж. 3. Перен. Разг. О бесхарактерном, слабавольном, излишне мягком человеке. – Твоей матери делают оскорбление в ее же доме, а ты рот разинул! Какой ты порядочный молодой	ТРЯПКА , -и, ж. 3. перен. О бесхарактерном, слабавольном человеке (разг. пренебр.). <i>Не мужчина, а т.</i>	ТРЯПКА , -и, род. мн. -пок, дат. -пкам, ж. 4. Разг. <i>пренебр.</i> О бесхарактерном, слабавольном человеке. Холостяком он слыл за вертопраха и сорвиголову; женившись – присмирел,	ТРЯПКА , -и, ж. 4. Пренебр. О бесхарактерном, слабавольном человеке. <i>Не руководитель, а тряпка.</i> У неё муж тряпка.

Продолжение табл. 1

ТСУ	БАС	ТСОШ	МАС	БТСК
и не умел отказывать. Чехов.	человек после этого! Ты тряпка. Дост. Село Степанч. – Она тебя бьет, а ты ее боишься... Ах ты, тряпка ты такая. Григор.		оглушел, словом – сделался тряпкой. Гл. Успенский.	
ТЮФЯК , -á, м. 2. Перен. Об апатичном, вялом и безвольном человеке (разг. неодобрит.). – Лениость непомерная <...>: целые дни сидит да лежит... Тюфяк, совершенный тюфяк! Писемский.	ТЮФЯК , -á, м. 2. Перен. разг. О вялом, нерасторопном, безвольном человеке. – Лентяй ты, сударь, этакий тюфяк. Писем. Тюфяк, 7. – Даже ни разу не поцеловать хорошенькой девушки. – Да вы просто мямля и тюфяк. Мам.-Сиб. Это был рыхлый молодой человек с рыжеватой бородкой. Таких	ТЮФЯК , -á, м. 2. перен. О вялом, безвольном, медлительном человеке (прост.).	ТЮФЯК , -á, м. 2. Разг. О вялом, нерасторопном, безвольном человеке. <i>На место прежнего тюфяка был прислан новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой.</i> Гоголь. – Тюфяк! – повторил ротмистр. – Пропустил такой случай расквитаться с этим нагле-	ТЮФЯК , -á, м. 2. Разг.-сниж. О вялом, нерасторопном, безвольном человеке. <i>Сосед мой порядочный тюфяк. Молодой человек на вид рыхлый и неповоротливый – тюфяк тюфяком! Она бой-баба, а мужик у неё тюфяк.</i>

Окончание табл. 1

ТСУ	БАС	ТСОШ	МАС	БТСК
	людей принято называть «шляпами» и «тюфяками». Паустов.		цом! Паустовский, Разливы рек.	
КИСÉЛЬ , -я́ (-ю́), м. 3. перен. О вялом, бесхарактерном человеке (простореч.). Он такой кисель: ничего не мог добиться!	КИСÉЛЬ , -я́ (-ю́), м. 3. Перен. простореч. О мягком, вялом, безвольном человеке. <...>. [Рябинин:] Простить все надо? Простить... Эх, Тятин-мамин... кисель! М. Горький. – Дурак я, слюняй, кисель паршивый! Вот кто я. Шишк.	–	КИСÉЛЬ , -я́ (-ю́), м. Разг. пренебр. О вялом, слабовольном человеке. – Она, брат, молодчина! Я даже не ожидал! Ду-мал, кисель-девка , а она что надо! Е. Мальцев.	КИСÉЛЬ , -я́ (-ю́), м. 3. Пренебр. О вялом, слабовольном человеке. Характера у него нет: кисель он!

¹ БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

² БТСК – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.

Отправной точкой настоящего исследования послужили результаты психолингвистического эксперимента, в котором участвовали 147 человек (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Лексема	О женщине	О мужчине	О ребенке
Баба	34	66	6
Девчонка	27	38	52
Кисель	29	60	42
Мямяля	40	64	55
Размазня	35	67	39
Тряпка	26	68	20
Тюфяк	5	69	17

Результаты опроса, свидетельствующие о значительном количестве женских характеристик у метафор, представленных словарями как однозначно мужские, должны быть проверены, как нам кажется, в ходе контекстного исследования.

Если обратиться к специальному корпусному анализу лексем указанной ТГ, учитывающему пол субъекта и объекта оценки, то можно говорить об усложнении семной и, возможно, семантической структуры слова.

Рассмотрим метафоры этой группы *тряпка*, *кисель*, *тюфяк*, которые словари связывают с лицом мужского пола. Так, в метафорическом значении слова *тряпка* ‘бесхарактерный, слабовольный, ничтожный человек’ обнаруживается живая внутренняя форма, которая актуализируется в речевой практике и мотивирует образность и презрительно-пренебрежительную оценочную семантику слова: *Забывает, что он есть **половая тряпка**, об которую надо ноги вытирать* (Протоиерей Д. Смирнов. Проповеди (1984–1989)).

Так, в метафорическом значении слова *тряпка* ‘бесхарактерный, слабовольный, ничтожный человек’ обнаруживается живая внутренняя форма, которая актуализируется в речевой практике и мотивирует образность и презрительно-пренебрежительную оценочную семантику слова: *Забывает, что он есть **половая тряпка**, об которую надо ноги вытирать* (Протоиерей Д. Смирнов. Проповеди (1984–1989)).

Итак: кто – мужчина или женщина – является субъектом оценки, и кто – мужчина или женщина – является объектом оценки? И существенно, конечно, каково основание оценки (Е. С. Вольф).

Субъект и объект оценки – мужчина

Проанализируем ряд контекстов, в которых субъектом и объектом оценки является мужчина. Метафора выступает как обще- и частнооценочная единица. Обычно семантика ‘безволие, нерешительность, бесхарактерность, трусость’ актуализируется путем сравнения носителя указанных качеств с другим мужчиной. Напомним, что в семантике слова *мужчина* выделяются диспозициональные семы (И. А. Стернин), отражающие приписываемые говорящими качества настоящего мужчины: решительного, волевого, сильного, умеющего постоять за себя и за тех, кто слабее, с чувством собственного достоинства и др. Отступление от этого **нормального** положения дел влечет резко отрицательную оценку.

Контекстный анализ (около 900 контекстов, из них около 140 метафор *тряпка*) показал, что в большинстве случаев мужчина оценивается резко отрицательно в связи с его отношениями с женщиной: он оказывается слабее женщины.

- (1) *Кусиел согласился, что он был не мужчина: если жена поселяет любовника в собственном доме, то муж её не более, чем тряпка* (А. Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977).

Рассказчик называет Кусиела Плоткина *тряпкой*, указывая на то, что нерешительность, безволие мужа в ситуации любовного треугольника является проявлением слабости, и такое поведение недостойно мужчины. Иначе говоря, *тряпка* – ‘трусливый, нерешительный, безвольный человек, без чувства собственного достоинства’ – не мужчина. Частнооценочная единица в этой ситуации становится столь существенной, что выступает как общеоценочная с презрительным и крайне неодобрительным значением.

- (2) *Ты, может быть, думаешь, что этот капитан был какая-нибудь тряпка? размазня? Стрекозиная душа?* (А. Куприн. Гранатовый браслет, 1911).

Старый генерал рассказывает Вере о мужчине, который терпел любовника жены только ради того, чтобы «она была счастлива». Сильный физически, отважный в бою, любимый всеми солдатами, капитан терпит измены жены, оказывается нерешительным и слабовольным в личной жизни. В этом случае метафора является «частной» характеристикой человека, который соединяет в себе противоположные качества характера.

(3) *Она тебя бьет, а ты ее боишься... Ах ты, тряпка ты такая... Семен!* (Д. В. Григорович. Капельмейстер Сусликов, 1986)

(4) *Холостяком он слыл за вертопраха и сорвиголову; женившись – присмирел, оглупел, словом – сделался тряпкой* (Гл. Успенский, Нравы Растеряевой улицы);

Во всех случаях (1)–(4) осуществляется скрытое сравнение с эталоном. Кроме того, указанное значение актуализируется и путем скрытого или явного сравнения с женщиной, до которой мужчина «не дотягивает», или ведет себя как слабая женщина: *Портной этот – тряпка хуже бабы* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом, 1995).

(5) *Стонет, словно родить собирается! Может быть, это еще и неправда. Ты завтра съезди к кому-нибудь и спроси. Тряпка!* (А. П. Чехов. Упразднили! 1884–1885).

Кроме рассмотренных примеров, в которых осуждается безволие и слабыхарактерность мужчины в его отношениях с женщиной, имеются случаи, когда негативная характеристика связана с отсутствием чувства собственного достоинства (вне отношений с женщиной):

(6) *А на наш взгляд подобный человек есть дрянь, кисель, тряпка; он может быть хорошим человеком, но только в лакейском смысле этого слова.* (Н. А. Добролюбов. Темное царство. 1859).

Таким образом, характеристика мужчины, данная мужчиной, включает следующие сугубо отрицательные качества характера, несовместимые с мифологизированным образом настоящего мужчины: безволие, слабость (физическую и душевную), бесхарактерность, способность терпеть унижение (от женщины в большинстве случаев).

Субъектом и объектом самооценки выступает мужчина

Смысловое варьирование эмотивно-оценочного слова *тряпка* наблюдается в ситуации мужской самооценки. В подобных контекстах основанием оценки служат разные качества, не связанные напрямую с отношениями с женщиной; говорящий пытается отыскать в себе иные качества, противопоставленные слабости и безволию. Речь идет о частнооценочной языковой единице.

- (7) *Он спохватывается, вспоминает, что с утра температурила жена, больна вроде бы, – и на весах эта гирька, малая в общем, однако упавшая неожиданно, оказывается вдруг весомой. Михайлов, чертыхаясь в адрес собственного безволия, **тряпка и есть тряпка**, выскакивает из вагона трусцой, <...> перебегает на противоположную сторону платформы – к обратному поезду (В. Маканин. Отдушина, 1977).*
- (8) – *Вы **тряпка и истерик**, Тарасов (говорит женщина) – Да, я **тряпка**. Я ужаснулся тому, что увидел. Я ловлю воров, убийц и налетчиков, чтобы хоть как-то искупить то, что мы натворили в семнадцатом <...> (К. Шаинян. Бог из машины, 2014).*

В первой реплике диалога (8) субъектом оценки является женщина, объектом – мужчина. Однако в реплике-реакции субъектом и объектом становится уже одно и то же лицо (это единственный пример того, как герой-мужчина открыто называет себя *тряпкой*, при этом говорит об этом женщине). Говорящий считает, что проявил слабость (кстати, событие отнесено в прошлое), но для него этот недостаток компенсируется сегодняшним положением дел: *Я ловлю воров, убийц и налетчиков...*

- (9) *Иногда Алик горестно размышлял. Ну вот уйдет он, допустим, от жены. Да! Уйдет. Надоело, черт возьми, быть **тряпкой!** И... Но минуточку, куда идти-то! Это его квартира (М. Неволошин. Уходишь – счастливо, приходишь – привет, 2016).*
- (10) *«Эк меня расколбасило», – недовольно подумал про себя Игорь, он всегда считал, что расшатать его нервную систему труднее, а теперь сам себе казался **медузой на берегу**. Игорь показался себе совсем уже **тряпкой**, когда вздрогнул от щелчков ключа в дверном замке (А. Сальников. Отдел, 2015).*
- (11) – *О, поймите же, – продолжал Ежиков, – что мне вовсе, совсем не нужно это милое качество «душевного человека». Что такое «душевный человек»? **Тряпка** ваш душевный человек... Ну да, **тряпка!** Но допустим – я **тряпка**. Пускай так. <...> **Но есть же во мне что-нибудь, кроме тряпки? Есть же! И притом нечто неизмеримо важнейшее, чем все мои тряпичные свойства...** (А. И. Эртель. Записки Степняка, 1883).*

Важно, что в этих самохарактеристиках (во внутреннем или реальном диалоге) реализуются только частнооценочные единицы; *тряпка* не исчерпывает характера говорящего и не обозначает сугубо отрицательных черт: часто приводятся смягчающие обстоятельства. Типичная ситуация с самооценкой – смещение отрицательной оценки во времени (в прошлое) и ее локализация (не вообще трус, а просто боюсь стоматолога).

**Субъектом оценки выступает женщина,
объектом – мужчина**

Рассмотрим следующие контексты:

- (12) *Оправдывалась: «Мальчикам нужен отец!» Оказалось, не так-то уж и нужен. С самого начала не он, а я была главой семьи. Эх, Борис, Борис <...>, **тряпка** же ты оказался во всей этой истории. **Тряпка** плюс дурак. Мотался между двумя женщинами, двумя домами* (И. Грекова. Перелом, 1987);
- (13) ***Я оставила** на кухонном столе <...> записку, адресованную маме и папе: «Я буду той частью имущества, которая по суду отойдет к бабушке». – **Тряпка**... Ничего **не смог** доказать. **Тряпка!** – твердила, обращаясь в глубь коридора. Сзади кто-то дотронулся до меня. Я обернулась и увидела папу* (А. Алексин. Раздел имущества, 1979);
- (14) *Я была дома, вышла и громко сказала, обращаясь к предположительному Петрову, что мужчина, допускающий, что в его присутствии другой мужчина грязно оскорбляет женщину, есть не мужчина, а **тряпка и слизняк (червеобразный моллюск)*** (А. Славковский. 100 лет спустя, 2009).

Обратим внимание на основание оценки, ее качество и категоричность в высказываниях женщины о мужчине. Мужчина-тряпка – это несостоятельный муж и отец, слабохарактерный, трусоватый, безвольный, излишне мягкий и бесформенный (не смог спасти, защитить, обеспечить, не смог постоять за себя и семью).

**Субъектом и объектом оценки и самооценки
выступает женщина**

О подобном словоупотреблении ничего не говорят словари, так или иначе сообщая читателю, что слово является отрицательной характеристи-

кой мужчины. Однако в реальной коммуникации последнего времени зафиксированы не единичные примеры, в которых субъектом и объектом оценки являются женщины:

- (15) *Даже специальные брошюры покупала с психологическими советами типа «умей сказать “нет”!». Все без толку. Рефлектирующая интеллигентка! Тряпка!* – обзывала я себя распоследними словами по дороге в кабинет (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда, 2006);
- (16) – *Встала сегодня кое-как, говорю себе, **тряпка**, на работу нужно* (50 лет, высш., канд. мед. наук, НГМУ, зам. гл. врача ГКБ № 1, не замужем);
- (17) – *Двое суток стоим у этой ямы, сегодня уже со словами: **тряпка**, соберись, поехала* (45 лет, высш., гендиректор ООО «Комбест», разведена);
- (18) – *Давай соберись, сейчас не время быть **тряпкой**. Ты сильная, справишься* (высш., воспитывает детей, успешно работает).

В негативных оценках и самооценках (15)–(18) охарактеризованы излишне слабые, мягкие, безотказные женщины, не умеющие говорить «нет», которые, однако, не могут позволить себе проявления слабости, жалости по отношению к себе: нельзя быть *тряпкой*. От их решительности, твердости характера зависит материальное благополучие семьи; социальное, профессиональное и семейное положение требует от них качеств, в большей степени присущих мужчине. Эти контексты весьма показательные: они относятся к последнему десятилетию и актуализируют негативную оценку излишне мягкой и не отстаивающей свою позицию женщины. Они говорят о том, что в нашей картине мира произошли существенные изменения: сугубо мужские недостатки теперь соотносятся с лицами обоего пола. Если применительно к ряду существительных обшего рода можно говорить о спецификации гендерного значения (отнесенность либо к мужскому, либо к женскому полу), то в случае с единицами данной ТГ очевиден крен в сторону образования двух характеристик, причем с разным смысловым наполнением, скорее, двух ЛСВ в структуре полисеманта.

Нам не встретились контексты, в которых мужчина оценивал бы женскую слабость и безволие метафорой *тряпка*. Тоже вполне показательно:

для мужчины подобные женские качества могут и не являться недостатками. Напомним, что категорически негативными являются характеристики мужчины, репрезентированные путем сравнения с женщиной (он оказывается «хуже» женщины). Возможно, сейчас формируется особый образ (позитивно-негативный) жесткой, самодостаточной, независимой и амбициозной женщины с железным характером и сильной волей.

Если говорить о других единицах тематической группы, то сходные процессы мы наблюдаем в семном варьировании слова *кисель*.

По данным психолингвистического эксперимента (см. табл. 2), эта метафора воспринимается респондентами и как мужская (60), и как женская (29). Корпусный анализ позволяет уточнить эти результаты.

Субъектом и объектом оценки и самооценки выступает мужчина

Текстовый материал является разновременным, свидетельствуя о распространности и укоренности метафоры *кисель* как мужской характеристики.

- (19) *При разговорах с Иконниковым он раздражался, бывал груб, насмешлив, обзывал его **тюрей, размазнёй, киселём, иляпой*** (В. Гроссман. Жизнь и судьба).
- (20) *А сейчас... сейчас я совсем стал **размазня**, Арси... Старый сентиментальный **кисель**...* (В. Аксенов. Остров Крым, 1977–1979).
- (21) ***Кисель** я был, **недоросль балованный**, от первой в жизни беды распустил слюни* (О. Форш. Михайловский замок, 1946).
- (22) *Ведь все это время я только и делал, что вспоминал тебя. Ругаю себя и уговариваю, что я **тряпка, кисель несчастный**. Но не могу тебя прогнать из себя* (В. Панова. Сентиментальный роман, 1958).

Смысловое варьирование метафорического значения соотносится с разными видами человеческих слабостей: в примере (19) весь синонимический ряд *тюря, размазня, кисель, иляпа* характеризует героя вовсе не слабого и трусливого (достойно выдержавшего немецкий концлагерь), однако не проявляющего жесткость, нетерпимость, не занимающего известную позицию «Если враг не сдается...»; в контекстах (20)–(22), речь идет о мужчинах, не справившихся с чувствами и не умеющих держать удар

и постоять за себя. Однако семантика ‘слабый, безвольный в отношениях с женщиной’, характерная для слова *тряпка*, здесь не выявляется.

Рассмотренные контексты свидетельствуют о высокой степени синонимичности метафорических характеристик лица этой лексической группы.

**Субъектом оценки выступает женщина,
объектом – мужчина**

- (23) *Русский язык давно разобрался с этим мужчиной. Кисель он, студень... одно выражение мужское. Выраженец* (В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана, 2003).

Героиня, «не ставящая ни во что мужиков», говорит о том, что «грамматически слово *мужчина* женского рода». Момент сравнения с женщиной (в женской речи!) как основа негативной оценки так же актуален для метафоры *кисель*, как и для метафоры *тряпка*.

Субъект оценки – мужчина, объект – женщина

Напомним, что нам не встретилось ни одного контекста, где метафора *тряпка* была бы характеристикой женщины, данной мужчиной, тогда как образно-характеризующее значение слова *кисель* регулярно используется мужчиной по отношению к женщине. Объяснение такой избирательности в употреблении близких по эмотивно-оценочной семантике слов стоит искать в специфике основания оценки и в ассоциативно-образных коннотациях лексемы. Ср.:

- (24) *Она, брат, молодчина! Я даже не ожидал! Думал, кисель-девка, а она что надо!* (Е. Мальцев, Войди в каждый дом);
- (25) *Добро должно уметь защищаться, иначе это не добро, а кисель какой-то* (о девочке, пришедшей в новую школу);
- (26) *Дедушка не велит бить ее, так он по ночам. Злой он. А она – кисель* (М. Горький. Детство, 1913–1914);
- (27) *И главное, хоть бы девка была – не обидно, а то ведь черт-те что – недоносок, кисель на постном масле* (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета, 1968);
- (28) *Как с этим бороться? Приходят из управляющей компании, акт составляют – на этом все. С владелицы той квартиры взять нечего, она ее от дедушки получила, сама нищевродка, судя по*

внешнему виду. *Моя хозяйка – кисель киселем. Охает, ахает.*
<...> (М. Волкова. Сплошные крохоборы и кидалы, 2019).

Семантика метафоры варьируется от снисходительно-неодобрительной оценки женщины, которая не может оказать сопротивление и постоять за себя (25), (26), (28) до пренебрежительной характеристики слабой, худенькой, некрасивой девушки, которая посмела, проявив решительность, отказать герою (в речи обиженного мужчины) (27). А «она *не кисель*» – противоположная оценка боевой, смелой, энергичной женщины.

Формирование оценочного содержания слова в данной коммуникативной ситуации выглядит весьма противоречиво: с одной стороны, мужчины негативно относятся к слабости, бесхарактерности и неумению защитить себя, а с другой стороны, смелая и независимая женщина вызывает раздражение, которое, маскируясь, переносится, к примеру, на ее внешность. Это известная тактика в эмотивно-оценочной коммуникации: *дылды* называют человека не за слишком высокий рост, а за особенности поведения, которые не устраивают субъекта оценки (происходит подмена основания оценки).

Таким образом, метафора *кисель* тоже существенно изменяется, становясь оценкой как мужчины, так и женщины, однако при этом актуализирует сходную семантику ‘безвольного, вялого, не умеющего постоять за себя, не умеющего справиться с собою или обидчиками человека’. Этот член синонимического ряда не реализует семантику слабости и безвольности мужчины в отношениях с женщиной (см. *тряпка*).

В результате корпусного исследования фиксируем соотношенность с лицами мужского и женского пола, широкое семное варьирование денотативного и эмотивно-оценочного содержания, которое, однако, не приводит к образованию самостоятельных значений.

Что касается метафоры *тюфяк*, то она демонстрирует широкий вариативный диапазон оценочного содержания: от снисходительного до возмущенно-презрительного, но при этом метафорическая характеристика остается сугубо мужской. Если же говорить о специфике каждой лексемы на фоне всей ТГ, надо отметить, что *тюфяк* зачастую реализует внешнюю характеристику человека, мотивированную прямым значением (мягкий, пухлый, малоподвижный, отсюда – безобидный, нерасторопный). И так же часто она оказывается поверхностной, а на самом деле характер человека крепче, сильнее, энергичнее. Ср:

- (29) **Тюфяк** Соломин «с немужественным телосложением, с добрым пухлым лицом» **без проблем уделает любого спецназовца** (А. Кузьменков. Чехи по Чехову! 2013);
- (30) *Вообще-то он цепкий, как показалось Горбатовскому, так-то сидит – **тюфяк тюфяком, а глаза злые, холодные, ничего на веру не принимает*** (А. Маринина. Последний рассвет, 2013);
- (31) *Но и я прикинулся, что не замечаю, что у меня болит голова, что я вообще инфантильный **тюфяк**. Хотя мне и притворяться для этого не надо. Все и так знают, что **тюфяк**. **К тому же еще и летчик*** (Д. Орлов. Я летчик, 2012);
- (32) *Говорил и улыбался он так, что я сказала одному молодому философу: «Прямо Пьер Безухов!», но он сурово возразил, что передо мной не **тюфяк** какой-нибудь, а **борец, герой и диссидент**. Когда я это вспомнила, мне пришло в голову, что Пьер был именно диссидентом* (Н. Трауберг. Сама жизнь, 2008);
- (33) *Я давно об этом мечтаю! – Чего? – Не веря своим ушам, Таня уставилась на Бульона. **Так вот, оказывается, какие планы вынашивал этот молчаливый тюфяк, который даже мяча на физкультуре не мог кинуть, чтобы, отскочив от чего-нибудь, тот не огрел бы его по лбу*** (Д. Емец. Таня Гротгер и магический контрабас).

Таким образом, в ТГ «Человек безвольный, бесхарактерный, слабый» действительно идут динамические процессы, проявляющиеся в семном и семантическом варьировании. В группе имеются характеристики общего рода (*рохля, мямля, размазня*), а существительные мужского или женского рода, определяемые словарями как мужские (*тряпка, кисель* и др.), демонстрируют расширение гендерной семантики, соотносясь с лицами обоих полов. В семантической структуре этих оценочных метафор формируются самостоятельные оценочные значения, по-разному представляющие мужские и женские недостатки. Результаты комплексного исследования оценочных метафор свидетельствуют об изменениях ценностной картины мира социума.

Соотношение гендерной и оценочной семантики слова должно быть осмыслено в аспекте активной лексикографии. Формализация широкого вариативного потенциала слова всегда сложна: мы предлагаем выделить

разные зоны в словарной статье для представления особенностей мужских и женских характеристик.

Список литературы

Басалаева Е. Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 112–125. DOI 10.15293/2226-3365.1606.09

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 70–85. DOI 10.15293/2226-3365.1606.06

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерный компонент в семантике слова и способы его лексикографирования в словарях активного типа // Современные проблемы славянской филологии: трансформация ценностей в славянских языках и культурах. Тайбэй, 2017а. С. 50–62. URL: <http://conference.nccu.edu.tw/actnews/intro.php?Sn=153&OSn=595>

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Словарь эмотивно-оценочной лексики в парадигме активной лексикографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017б. Т. 16, № 9. С. 11–21.

Гарбуйо И. Флористическая метафора в русском и итальянском языках // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 218–227.

Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977. С. 147–166.

Ланно М. А. Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 186–200. DOI 10.15293/2226-3365.1606.15

Мусси В. Энтомологические метафоры в русской и итальянской картинах мира. М.: Флинта, 2019.

Hunston S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language. New York: Routledge, 2011.

Channell J. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse / Ed. by S. Hunston and G. Thompson. Oxford University Press, 2000.

References

Basalaeva E. G. Pragmaticheskiy makrokomponent i sposoby ego semantizatsii v elektronnoy baze dannykh [The pragmatic component and ways of its semantization in the electronic database]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2016, vol. 6, no. 6, pp. 112–125. (in Russ.) DOI 10.15293/2226-3365.1606.09

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Baza dannykh pragmaticheski markirovannoy leksiki russkogo yazyka: material, printsipy opisaniya, vozmozhnosti ispol'zovaniya [A Database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2016, vol. 6, no. 6, pp. 70–85. (in Russ.) DOI 10.15293/2226-3365.1606.06

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Gendernyy komponent v semantike slova i sposoby ego leksikografirovaniya v slovaryakh aktivnogo tipa [The Gender Component in the Semantics of an Emotive-Evaluative Words and Ways of Presenting it in the Active Type Dictionary]. In: *Sovremennyye problemy slavyanskoy filologii: transformatsiya tsennostey v slavyanskikh yazykakh i kulturakh [Modern problems of Slavic philology: transformation of values in Slavic languages and cultures]*. Taipei, 2017, pp. 50–62. (in Russ.) URL: <http://conference.nccu.edu.tw/actnews/intro.php?Sn=153&OSn=595>

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Dictionary of emotional-evaluative words in paradigm of active lexicography. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no. 9: Philology, pp. 11–21. (in Russ.)

Channell J. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Ed. by S. Hunston and G. Thompson. Oxford University Press, 2000.

Garbuio I. Floristicheskaya metafora v russkom i ital'yanskom yazykakh [Floristic metaphor in the Russian and Italian languages]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities]*, 2015, no. 3 (142), pp. 218–227. (in Russ.)

Gutman E. A., Litvin F. A., Cheremisina M. I. Sopostavitel'nyy analiz zoomorfnykh kharakteristik (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [Comparative analysis of zoomorphic characteristics (based on the Russian, English and French languages)]. In: Leontyev A. A., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. (eds.). *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya*.

[National-cultural specifics of speech behavior]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 147–166. (in Russ.)

Hunston S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language. New York, Routledge, 2011.

Lappo M. A. Struktura pragmaticheskogo makrokomponenta znacheniya (na materiale gruppy slov, oboznachayushchikh natsional'nost') [The structure of the pragmatic macrocomponent of meaning (with the main focus on words denoting nationality)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, vol. 6, no. 6, p. 186–200. (in Russ.) DOI 10.15293/2226-3365.1606.15

Mussi V. Entomologicheskie metafory v russkoy i ital'yanskoy kartinakh mira [Entomological metaphors in Russian and Italian pictures of the world]. Moscow, Flinta, 2019. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Юрьевна Булыгина, кандидат филологических наук, доцент
Татьяна Александровна Трипольская, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Elena Yu. Bulygina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Tatiana A. Tripolskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 16.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 16.12.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022